

МИРУ — МИР!

ТРУДНО представить себе человека, который смог бы без глубокого волнения прочесть Манифест Мира. Каждое слово Манифеста, принятого на совещании представителей коммунистических и рабочих партий более чем 60 стран...

На чем основана ныне эта уверенность? Декларация — документ огромного исторического значения — творчески, марксистски раскрывает изменения, происшедшие в мире за сорок лет. В ней обобщен великий опыт коммунистических и рабочих партий стран социалистического лагеря...

Огромные изменения произошли в мире. Основным содержанием нашей эпохи является переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией в России. Имперализм утратил свое господство над большей частью человечества. Свыше трети населения всего мира — более 950 миллионов человек — вступило на путь социализма и строит новую жизнь...

«В нашу эпоху мировое развитие определяется ходом и результатами соревнования двух противоположных общественных систем, — говорится в Декларации. — За сорок лет социализм доказал, что он как общественная система далеко превосходит капитализм... Если социализм находится на подъеме, то империализм идет к упадку».

Советский Союз указывает народам путь к миру. В славные дни празднования сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции с трибуны Юбилейной сессии Верховного Совета СССР прозвучал благородный призыв: отказаться от гонимых вооружений, мирно соревноваться в области науки, изобретения и техники, в области культуры и искусства...

В Союзе писателей СССР

СОСТОЯЛСЯ расширенное заседание секретариата правления Союза писателей СССР и бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР с участием членов редакций печатных органов Союза писателей СССР. На заседании были рассмотрены некоторые итоги работы печатных органов Союза писателей СССР в свете партийного документа «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа».

Горьковская научная конференция

В КУЙБЫШЕВЕ торжественно открылась организованная Областным музеем А. М. Горького, Педагогическим институтом и отделением ВТО научная конференция, которая обсудит ряд проблем жизни и творчества основоположника советской литературы.

ПАМЯТИ СУЛЕЙМАНА СТАЛЬСКОГО

ИСПОЛНИЛСЯ двадцать лет со дня смерти основоположника латвийской советской поэзии Сулеймана Стальского. В читальном зале республиканской библиотеки имени Пушкина в Махачкале состоялось торжественное заседание Союза писателей Дагестана...

Как ответил Запад на призыв к мирному сосуществованию, на благородные слова, прозвучавшие в дни Великого Октября в Москве? Как была встречена замечательная победа мирной науки — запуск советских спутников, которых простые люди за рубежом ласково называли «вестниками мира» и «надеждой человечества»?

Американская пропаганда подняла истинный крик о «вызове», будто бы брошенном Советским Союзом, об «угрозе коммунизма». Президент Эйзенхауэр в своем выступлении провозгласил усиление гонки вооружений, расширение программы производства баллистических ракет с водородными зарядами. Горы лжи и клеветнических измышлений воздвигнуты во имя единственной цели — запугать общественность несуществующей «советской опасностью» и обеспечить продолжение подготовки к войне, оправдать гигантские военные расходы.

На днях на пресс-конференции в Чикаго выступил государственный секретарь США Джон Фостер Даллес. Его кредо — это кредо матерого поджигателя войны, неуклюже замаскированное рассуждением о «неоуровне» к Советскому Союзу. Даллес заявляет, что за переговоры с Советским Союзом и принятие предложения о разоружении «пришлось бы заплатить слишком дорогой ценой». Мир — вот та цена, которая слишком дорога для мистера Даллеса и его единомышленников!

В середине декабря в парижском дворце Шайо встретятся руководители НАТО. Буржуазная печать подчеркивает, что эта сессия совета НАТО будет особенно важной и определит «судьбу» западноевропейских стран. Программа, которая должна лечь в основу работы сессии, такова: еще большее почитание западноевропейских стран Соединенным Штатам Америки, ликвидация национальных вооруженных сил и превращение их в составные части армий НАТО, расширение сети американских баз в Европе. Без согласования со своими «союзниками» по атлантическому блоку США объявили, что на территории европейских стран будут размещены базы для накопления баллистических снарядов средней дальности с атомными зарядами. Иными словами, Западной Европе готовится роль плацдарма новой разрушительной войны, которую задумали американские реакционеры!

Программа мира провозгласила в эти дни в столице Советского Союза, программа войны — в Соединенных Штатах Америки. Таков смысл, таково значение происходящего. И все более широкие круги на Западе отзывают себе отчет в этом. Внутри НАТО, в самом стане членов атлантического блока, нарастает недовольство американским диктатом, усиливаются глубокие внутренние противоречия. «НАТО на распутье», «Кризис НАТО», «Трещины в атлантическом блоке» — таковы признания самих буржуазных газет.

Английская консервативная печать выражает тревогу по поводу курса, принятого правящими кругами США. Это «компарная политика», пишет «Дейли мей», подчеркивая, что от английского народа скрывают планы создания в Европе запасов ядерного оружия под американским контролем. «Государственные деятели прикрывают не с фейерверком, а с оружием, которое может разрушить города и села и вызвать огромные опустошения», — пишет газета. Подобные же опасения высказывает французская пресса. Англо-американский план реорганизации НАТО чреват унизительной дискриминацией Франции. Он предполагает «значительный отказ от суверенитета», — заявляет газета «Паризьен-либре».

США и Англия выступили, как известно, с совместной антифранцузской акцией: они приняли решение о поставке оружия Тунису, вопреки воле французского правительства. Но это отнюдь не значит, что в атлантическом блоке существует прочное англо-американское «единство». «Перед нами случай прямого столкновения интересов внутри атлантического союза», — отмечала консервативная английская газета «Дейли телеграф энд Морнинг пост» в связи с бурей, возникшей во Франции против поставки оружия Тунису. — Это не просто дипломатический инцидент. Это отражает все продолжающуюся тенденцию американской внешней политики неправильно понимать обстановку...»

И даже в Западной Германии раздаются встревоженные голоса. Не так-то приятно оказаться полем действия баллистических снарядов; слишком хорошо помнят немцы, чего стоила им самостоятельная политика развязывания войны! Боннская политика боится гнева народа, они предпочитают бы сохранять в тайне агрессивные замыслы. «Франкфуртер рундschau» предлагает «покончить с атомным бредом».

Нет, далеко до согласия в лагере капитализма! Раздор, неуверенность, разочарование, гниль и свара — такова обстановка в атлантическом блоке. И тем более оснований для уверенности, для объединения всех, кому дорог мир, во имя предотвращения новой войны.

Мир — мир! — эти слова Манифеста вселяют надежду и спокойствие в сердца миллионов людей. Тщетно пытаются поджигатели новой войны обмануть свои народы криками об «угрозе коммунизма». Простые люди знают, что нет более стойких, более последовательных борцов за мир, чем коммунисты, более верных защитников интересов трудящихся. Коммунисты протягивают руку всем людям доброй воли, чтобы общими силами сбросить бремя вооружений, гнетущее народы, освободить мир от угрозы войны, смерти и уничтожения.

Мир — мир! — говорит советские люди, горячо одобряющие политику своего правительства. Эти слова повторяют с надеждой и верой в самых отдаленных уголках земного шара. Мир можно защитить и упрочить — такова благородная программа действий, верный путь к счастью и спокойствию народов.

ЮБИЛЕИ СТАРЕЙШИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В ЛИТВЕ отмечен 70-летний юбилей одного из старейших литовских писателей Адамаса Ластаса. Своєю литературной деятельностью Адамас Ластас начал в 1910—1911 годах. До первой мировой войны его поэтический мир был спокоен и несложен, но чем дальше, тем больше он возмущал свой голос протеста против тех, кто гонит людей на войну. В дальнейшем своим творчеством поэт критиковал пороки буржуазного строя, провозглашал гуманистические идеи.

В переводах А. Ластаса литовский читатель читает произведения Тургенева, Гаршина, Федина, Гладкова... Президентом Верховного Совета Литовской ССР за большие заслуги в деле развития культуры литовского народа, ему присвоено почетное звание заслуженного деятеля культуры Литовской ССР.

Наше призвание — служение народу!

НЕДАВНО в Кишиневе прошло республиканское совещание работников литературы и искусства. С докладом выступил министр культуры Молдавской ССР А. Лазарен.

«За последние годы, — сказал докладчик, — творческие работники Молдавии создали ряд замечательных произведений. Широко известны работы скульптора Л. Дубинского, композитора Д. Гершфельда, книги писателей Н. К. Чобану, А. Лупана, К. Кондри, А. Липкана, Е. Букова, Б. Истру. Вместе с тем еще ждет отражения в литературе и искусстве тема развития социалистической индустрии в Молдавии, тема подвига молдавской молодежи, участвующей в освоении целины».

Участники совещания были едины во мнении, что только при условии тесной связи с жизнью можно создать действительно народные произведения. Только находясь на партийных позициях, можно двигаться вперед. Наши мечты, наши чувства не должны быть ниже искусственных спутников Земли, эскадрильи на соборных.

Партия учит нас зорко наблюдать жизнь, а не творить, замкнувшись в стенах кабинета, — сказал Е. Буков. — Своим призванием мы видим в служении народу.

Выступил и Н. С. Хрущева. — Заявив главный режиссер республиканского русского драматического театра Е. Венере, — не только не сужают рамки нашего творчества, как пытаются представить это на Западе, а, наоборот, открывают новые широкие горизонты.

В прениях приняли участие И. Вартичан, А. Лупан, В. Герлак, И. Бодеско, Д. Гершфельд, В. Поулун, К. Ильишко, П. Крученко, заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС Б. Рюриков. На собрании выступил первый секретарь ЦК КП Молдавии З. Сердюк.

КИШИНЕВ. (По телефону).

ВСЕРОССИЙСКИЙ СЕМИНАР МОЛОДЫХ ПРОЗАИКОВ

РУКОВОДИТЬ повести ленинградки Х. Васильевой «Это было в Каменке», рассказы ученицы из Смоленска Н. Семеновы, рукописи большого романа молодого литератора В. Сафорова «Троицкий день», сибирские очерки Л. Ивановой — такова «рабочая программа» последних дней в одной только творческой группе Всероссийского семинара молодых прозаиков.

Одновременно в других группах обсуждены сборники рассказов А. Рекемчука (Сытьвар), рассказы ленинградского рабочего Ф. Гордеева, рукописи тульского журналиста И. Минутко, рассказы О. Смирнова (Чита), В. Коночкова (Ленинград), И. Полунова (Архангельск) и другие произведения молодых литераторов. Каждое из этих произведений становилось предметом горячей полемики.

Рассказы И. Минутко, например, вызвали серьезный разговор о писательском подходе к изображению действительности, о расклевывании характеров, о мастерстве. В. Линд, Г. Троепольский и другие критиковали автора этих рассказов за «гладкопись», — произведения мало волнуют, не задевают сердца читателей. Между тем у молодого писателя острый глаз, ему присуща сатирическая жилка. Удаются ему и речевые характеристики.

Общее одобрение получили рассказы ленинградца, морского офицера В. Инфантьева.

СЛОВО РУКОВОДИТЕЛЕЙ СЕМИНАРА

Б. ГАЛИН
МЫ РАБОТАЕМ в Доме писателя имени Маяковского. Окна нашей комнаты выходят на Неву. Мы говорим о правде жизни, о мастерстве, а из окна, чуть ли не в нескольких шагах от парапета набережной, на широкой, по-осеннему сумрачной Неве видна легендарная «Аврора». Мы долго-долго не сводим с нее глаз... Ведь наша жизнь, впрочем, как и судьба всей советской литературы, связана с революцией, рожденной в залах этого крейсера. И тема романа Виктора Сафорова «Троицкий день», рукописи которого мы только что обсуждали, тоже навеяна духом нашей жизни, полной борьбы, утверждающей себя в насыщенных драматизмом конфликтах.

Август колхозника. Картина художника А. Пластова. (Всесоюзная юбилейная художественная выставка).

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ... Это надо знать всем!

В НОЯБРЬСКОМ номере журнала «Дружба народов» опубликовано несколько материалов, на которые нам хотелось бы специально обратить внимание читателей.

Прежде всего — документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, объединенные рубрикой «Ленин и дружба народов». Это заметки, письма, записки Владимира Ильича, письма Ленину из национальных республик и полтароные содержательные комментарии. Все эти документы рассказывают об огромной повестинной заботе Ленина, направленной на установление и укрепление дружбы советских народов, о его постоянном внимании к развитию государственности и культуры народов бывшей царской империи, о его требованиях неуклонно осуществлять пролетарско-интернационалистические принципы национальной политики Коммунистической партии.

Публикуемые журналом документы связаны с борьбой за Советскую власть и новую жизнь на Украине, Средней Азии, Кавказе и Закавказье, Татари, Башкирии, Якутии. В записке В. Вороскому, работавшему тогда в Госплате, и В. Милогину (ВСНХ) Ленин передает просьбу киргизских товарищей добыть словотипный бумагу, типографию — это не такое простое в условиях 20-х годов, как это может показаться сейчас, — и сам делает предложение: «Очень прошу их принять и оказать им всеческое содействие». О последнем внимании Ленина к таким просьбам из республик свидетельствуют и его «Записки о Дагестане».

В комментарии к ленинским документам приводится интересный факт. Летом 1921 года к Ленину в рядов вопроса обратился С. Г. Сарид-Галиев, тогдашний председатель ЦИК Татарской АССР. Один из вопросов был: должны ли коммунисты господствующей ранее нации «играть роль педагогов и нянек по отношению коммунистов и всех трудящихся бывших в угнетении национальностей?». Ленин ответил категорически и ясно: «...не педагогов и нянек, а помощников».

Вот этим духом взаимопомощи трудящихся разных народов в общей борьбе против капитализма, за социалистическую жизнь и пролетариат каждая строка ленинских документов...
«О том, как в огне гражданской войны осуществлялись великие идеи пролетарского интернационализма, рассказывают чрезвычайно интересные материалы из подборки «Под знаменем Октября». Первая часть подборки, наиболее обширная, называется «Сыны Китая вместе с нами боролись за власть Советов». Авторы ее — А. Дунаевский и Г. Новогрудский. Впрочем, вернее их было бы назвать бирателами: со страниц журнала говорят сами участники гражданской войны командиры и красноармейцы, они живут сейчас в Москве, на Северном Кавказе, в Донбассе. Из их рассказов живо и непосредственно встают образы отважных воинов китайских красных батальонов (особенно двух командиров — Сан Фу-яна и Пау Ти-сана), подвига их во имя великой революции. Показательны пути этих китайских труженников, людей, во время первой мировой войны волею судьбы, а точнее — волею голода и обмана, заброшенных десятками тысяч из Китая в Россию на строительство (еще бы, — такая дешевая рабочая сила!). Оплотными пламенем социалистической революции, всем сердцем принявшие ее великую правду, освобождения трудящихся, китайские люди составили немалый отряд молодой Красной Армии. Они сражались и на Востоке и на Западе, и на Южном фронте гражданской войны.

Увечно дополняют живые рассказы бывших бойцов этих отрядов фотографии китайских красноармейцев и поучительные архивные материалы. Среди них — напечатанное в «Правде» 9 мая 1918 года Обраще-

ние китайцев-красноармейцев батальона Сан Фу-яна ко «всем революционным социалистам китайцам». «Революционные братья-китайцы! — говорится в Обращении. — Кто за освобождение поработенных... в наши ряды! Кто за защиту власти рабочих и крестьян, идя с нами. Все программы и статьи должны руть и раскритикованы. Книтайцы должны соединиться с победоносным пролетариатом всего мира».

Люди, творившие революцию, обладали даром чудесного прозрения в будущее — чудесным не по натино, а в силу убежденности в исторической правоте и исторической неодолимости дела, за которое они боролись. Многого, о чем мечтали, за что митинговали китайские красноармейцы, исполнилось — и главное: рабочие и крестьяне Китая построили новый Китай. На III съезде Всесоюзного союза китайских рабочих в Москве, в июне 1920 года, М. И. Калинин, приветствуя съезд, сказал: «Россия в настоящее время есть школа для китайских рабочих. Вы здесь должны учиться, как нужно завоевывать свои права». От души желаю, чтобы рабочий класс Китая, находящийся в угнетении, одержал полную победу и сделал то дело, которое ему предназначено». Радостно читать эти слова сегодня!

О пролетарском интернационализме рассказывают и вторая часть подборки «Под знаменем Октября» — статья Бруно Томана о латышских красных стрелках. Здесь содержится и исторические данные о том, как складывались отряды знаменитых латышских красных стрелков, где они сражались, здесь есть и живые зарисовки, интересные документы.

«Журнал «Дружба народов» сделал хорошее дело, Ленинские документы по национальному вопросу, факты об участии китайских и латышских трудящихся в гражданской войне — надо знать всем!

ЛИТЕРАТОР

остро ставит, в частности, вопрос о работе корреспондента и литератора, который обязан вмешиваться в процесс жизни. Об этом ему напомнил председатель колхоза тридцатипятичник Гребенин.

Приведу гневные, от души идущие слова Гребенина: — Я тебе прямо скажу: вы, газетчики, тоже виноваты в низких урожаях. Да, да! Что такое сельскохозяйственная наука в современных условиях? Это, помни, прежде всего широкое обобщение опыта колхозов и совхозов. В каждом колхозе есть опыт. Хороший или, наоборот, очень плохой, но опыт. А если разобораться в причинах, почему колхоз сошел с колхозной дорожки. Первый шаг в свое время был напечатан в журнале «Сибирские огни», а затем в «Новом мире». Иванов рассказывает: после опубликования очерков он получил много читательских откликов. Новые впечатления, наблюдения и читательские письма толкнули молодого литератора продолжать разрабатывать жизненные вопросы современной деревни.

Авторы, несомненно, учтет справедливые критические замечания участников обсуждения о необходимости дальнейшей, более тщательной работы над художественной стороной произведений. В Закрыткин рекомендовал молодому прозаику никогда не забывать о тесной связи с той средой, соками которой питается его творчество.

В области сатиры и юмора работает пензенский литератор И. Седов. К сожалению, овладеть «тайнами» жанра ему еще не удалось. Об этом справедливо говорили на обсуждении работ молодого сатирика его товарищи по семинару. Искать острые и важные темы, не замыкаться в фельетонных рамках, смелее строить сюжет, перенять меткое и хлесткое слово у народа, — вот что они советовали И. Седову.

В семинаре обсуждалась также новая детская повесть Л. Давыдычева (Пермь) и рукописи повести молодого ярославского журналиста В. Москвитина «Как жизнь, Семмен?». Участники обсуждения дали высокую оценку повести В. Москвитина, отметили зрелый творческий рост автора. Стремление поднимать большие актуальные вопросы, любовь к своему герою, мальчику из рабочей семьи, — все это по-хорошему отличает лиричное и жизнерадостное произведение молодого прозаика. Вместе с тем участники обсуждения резко критиковали ту скверную литературную «моду», которой мо-

лодой автор поддался на некоторых страницах своей повести, позабыв о необходимости серьезного и тщательного изучения любых, самых мельчайших фактов современности.
Разговор о творческой смелости художника, о роли художественной фантазии и домысла при обращении к историческим темам зашел на обсуждении «Повести о поэте» О. Бубновой (Воронеж), посвященной жизни замечательного русского поэта Ивана Никитина. П. Далецкий, В. Панова, Н. Емельянова и другие говорили о плодотворном стремлении автора раскрыть национальные корни таланта поэта. Вместе с тем О. Бубнову упрекали за творческую робость, за некоторую иллюстративность. При перенятии этой в целом хорошей, нужной книги автору следует шире обрисовать русскую демократическую интеллигенцию, глубже, острее вскрыть классовые противоречия эпохи, показать крепостного мужчину не только страдающим и терпящим, но и сильным, протестующим, борющимся.
Семинар продолжается, и с каждым днем все ярче и шире вырисовывается то большое и значительное, что стоит за словами — молодые прозаики России.

А. ПОЛОРНИКОВ, Д. СТАРИКОВ, специальные корреспонденты «Литературной газеты» ЛЕНИНГРАД. (По телефону).

Г. ТРОЕПОЛЬСКИЙ

НЕДАВНО мы обсуждали рассказы Александра Рекемчука. Большинство из них интересно, читается легко. В характере персонажей отразилось то новое, что родилось в человеке Севера за годы Советской власти. Запоминаются многие персонажи рассказов, например Прокоп Черных из рассказа «Как днем». В памяти читателя остаются эти, еще внутренние «неустрашимый» парень, «кусок драгоценной природы», неуемный и сильный, но с некоторыми «пережитками». Интересен также Чобот из рассказа «Стужа». Прелесть его в том, что он раздает душу зазнайство, самолюбование и легкомыслие в личных делах — все это в Чоботе противоречиво уживается и составляет «внутренний» конфликт. Рекемчук умеет проникнуть в самую суть характера, и в таком случае «внешний» конфликт у него становится средством вспомогательным, а не главным для создания образа.

«Литературная газета» обратилась в эти дни к ряду советских писателей с просьбой рассказать о наиболее памятных для них годах сорокалетия, о поездках, встречах и впечатлениях, о своей работе и творческих замыслах. Нашему корреспонденту рассказали...

Георгий ШОЛОХОВ — СИНЯВСКИЙ

ЛЮДИ, сознательная жизнь которых началась в те годы, когда рушился старый мир и родился новый, сороклетие Октябрьской революции отметили не только как великую историческую дату, но и как величайшее событие в своей личной жизни.

Сорок лет — это немалый кусок человеческой жизни, это ее цветущая середина, наиболее деятельная, трудовая, полная важных свершений. Наше поколение росло и развивалось вместе с Советской страной, и мы вправе сказать: мы трудились вместе с ней, вместе делили радости и невзгоды, беды и радости. И в это же время, как вы помните, каждый прожитый год — это всегда какое-то грандиозное событие, какая-то предельная трудность, какая-то новая победа. И нелегко что-то одно выдвигать из этих сорока лет и сказать: оно-то и было самым важным в моей жизни.

В последние годы самыми замечательными встречами в моей жизни были встречи с нашей молодежью — будь то в городах или селах. Это целый необъятный мир молодых жизней, устремленных в завтрашний солнечный день. Мне думается, что никогда наша страна, наш народ не были такими молодыми, как в этот сороковой год своего существования под знаменем Октября. Всюду молодые растущие силы — на заводах, на стройках, на целинных землях, в науке, искусстве, литературе. Всюду бурлит, растет и цветет молодая новь. Этой новью предначертано сменить много поколений и порабатывать поколение. И хочется сказать молодой смене, чтобы она не забывала благодарных заветов своих дедов и отцов, их больших дел и так же высоко и крепко держала коммунистические красные знамя!

Об этих заветах и хотелось мне рассказать в своем новом романе «Ласлав Максиман», который я закончил в канун великой годовщины.

РОСТОВ-НА-ДОНУ

Рудольф СИРГЕ

БОЛЕЕ чем половину из сорока советских лет мы, эстонцы, жили в капиталистическом мире. Для меня самыми впечатляющими были 1929—1930 годы — годы великого перелома, когда по всей Советской стране гремел лозунг «Довести пятилетку в четыре года!» Именно в те годы я много размышлял по Советскому Союзу и видел своими глазами то, чему завидовал мир не верил, считал сказкой и нед чем у нас и везде на Западе смеялись. Я видел рождение мощных металлургических комбинатов на Урале, видел, как на предгорьях Алтая сжигались первые группы строителей и размещались в землянках, я был свидетелем начала многих и многих гигантских строек, которые, согласно пятилетнему плану, возникли как по волшебству... Гиганты были построены — сказка стала реальностью. Скептики на Западе поперхнулись.

В чем же причина этого чуда? В людях, в громадном росте и энтузиазме человека, взявшегося за осуществление социализма. Вместе с писателем А. Антоним я написал в то время книгу «Современная Россия», где утверждал, что одновременно с осуществлением плана пятилетки происходит и культурное возрождение. На глазах нашего поколения это возрождение осуществлялось. Красноречивее всего говорит об этом залп спутников. Еще одна сказка стала реальностью.

Жизнь современного Советского Союза совсем иная сейчас, чем она была в 1929—1930 годах. Нет больше нужды в пятилетках, не работают и строящиеся машины, которые из отсталой страны мы привозили в технически передовую страну. В этом суть дела в этом смысле сказки, которая «изменяет стиль и облик жизни. Обдумывая свои будущие книги, писателя, по моему, должны исходить из этого, отталкиваться не от плуга старого, а смотреть вперед — к раке нового... Техника требует темпа, писатель должен также «техничироваться», чтобы почувствовать действительное биение пульса советской жизни.

Сейчас я перерабатываю роман о событиях революции 1917 года в Эстонии. Этот миг в 1929 году я начал свой писательский путь. Ждут своей очереди рассказы о сегодняшнем дне...

ТАЛЛИН

Акакий БЕЛИШВИЛИ

ТРУДНО сказать, какой был самый памятный год из славных 40 лет, прошедших со дня крушения старого мира. Все они были интересными, содержательными, богатыми. Разве можно забыть февральские дни 1921 года в Грузии, когда Октябрь пришел к нам, неся свободу и счастье грузинским трудящимся! А годы строительства первой ГЭС в Грузии! 1924 год. Я знакомился с поэтом Октябрем — В. Маяковским. Сколько энергии, оптимизма, юмора было в этом великодушном человеке! Он был и остается поэтическим воплощением революции.

Первые годы пятачок, коренные изменения в городах и селах и как результат — новые люди, новые темы грузинской литературы, новые книги. А грозные годы войны! Нет, не могу я ответить на вопрос, какой именно мне памятен год: все 40 лет памятные и дороги моему сердцу, и о них нельзя забыть...

В настоящее время усиленно работаю над новыми произведениями. Сейчас я заканчиваю роман «Рустави», посвященный рабочему классу Грузии, славным руставским сталевамам.

Думаю также написать вторую и третью книги романа «Золотой шатер» — о выдающемся грузинском поэте XVIII века Бесики Тбилиси.

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

«КНИЖНЫЕ РЕКИ»

«ЛИТЕРАТУРНАЯ газета» правильно подняла вопрос об огромном вреде, какой наносит государству и народу непрерывные переработки школьных учебников. Авторы помещенных в газете статей писали, как страдают от этого школы и родители. Мы хотим рассказать о том, как пагубно отражается отсутствие стабильных программ и учебников на работе издательства и предприятий полиграфической промышленности автономных республик и областей Российской Федерации, создающих учебники для нерусских школ РСФСР.

Национальные издательства РСФСР ежегодно выпускают на 35 тысяч свыше 400 названий учебников общим тиражом более четырех миллионов экземпляров, затрачивая на эти книги огромные средства. Естественно, издательства вынуждены сокращать выпуск других книг.

«Эпидемия» изменений учебников начала особенно распространяться с 1951 года и с тех пор не прекращается, иногда затухая, но затем вспыхивая с новой силой.

XX съезд КПСС поставил перед советской школой задачу дальнейшего совершенствования учебно-воспитательной работы, дальнейшего развития политехнического обучения. Выполнение этой задачи потребовало пересмотра действующих учебных планов и программ, улучшения содержания учебников. Но прежде чем приступить к замене учебников, следовало бы утончить изменения, которые будут внесены в школьные программы, сделать их стабильными, конкретно определить требования к учебникам, а затем уже приступить к их переработке.

Между тем новый учебный план в текущем году введен лишь в 25 процентах школ, и, очевидно, подвигнется дальнейшим изменениям. Это, в свою очередь, вызовет и изменения программ. О предстоящем пересмотре учебного плана и программ пишут в журнале «Советская педагогика» президент Академии педагогических наук тов. Карпов и директор Института национальных школ тов. Кореневский.

Однако Учпедгиз Министерства просвещения РСФСР уже заменил и переработал почти все учебники, некоторые даже по несколько раз. Так, например, в течение последних пяти лет в школах велась занятая по трем разным учебникам история древнего мира. Все эти учебники были разных авторов. Трижды заменился и учебник географии СССР для 7-го класса и другие книги.

А ведь целесообразнее было создать вначале, причем небольшими тиражами, пробные учебники, проверить их в школах, работающих по новому учебному плану, широко обсудить книги с педагогами, методистами, с научными работниками, на кафедрах университетов и институтов и только после одобрения учебников педагогической общественностью вводить их во всех школах.

Изменения программ Министерством просвещения Российской Федерации повлекли за собой массовую переработку программ и учебников. При этом местные органы просвещения стали требовать от издательства немедленного «привнесения» учебников в соответствие с программой. В 1955 году было заменено и переработано около половины всех издаваемых для нерусских школ РСФСР учебников. Это же повторилось в 1956-м и в текущем годах. Казалось бы, наступила пора остановиться. Но в 1958 году предусмат-

ВЕРСИОНСКИЙ СЕМИНАР МОЛОДЫХ ПРОЗАНКОВ

(Ононачие. Начало на 1-й стр.) бовно написать о природе, надо знать природу, вырасти среди природы. И тогда не потребуются много слов. Автор не будет захлебываться от «тепличных» восторгов, а найдет самое сильное средство выражения, то есть самое короткое расстояние от своего сердца к сердцу читателя. Как это важно в искусстве!

Рассказ «Двое» — это маленький северный эскиз. Можно забыть частности, детали, но остается надолго картина: северное сияние, могучее настолько, что человек иной раз кажется себе ничтожным, одиноким; и стоит на переднем плане под северным сиянием инженер Ордынец; с тонким юмором он пробует убедить себя в одиночестве и ничтожности перед природой, но... безуспешно, потому что вокруг суровые в виду, но добрые люди. Но А. Рекемчук еще не настолько требователен к себе, чтобы не печатать плохие рассказы. Например, рассказ «Подвиг» — это репортаж. Есть правда, вначале хороший кусочек, но чем дальше, тем слабее, а в конце все сводится к обычному информационному сообщению. Рассказ «Колдунья» тоже слаб. И тема мелка, и средства художественного выражения бедны и наивны. При всех данных, у А. Рекемчука есть еще неровности в творчестве: иногда его покидает «ощущение лишнего» (в рассказе «Гостья» — лишняя це-

ПРИЕМНЫЙ ПОКОЙ. Носилки. Палата. Строгий голос: «Не поворачиваться. Не двигаться. Лежать на спине».

«Все это время, кроме самых трудных первых дней, по профессиональной привычке в бел блонок. Я познакомился с великим со многими людьми, которые здесь работают, проникся уважением к их труду.

Долг друга — говорить правду и о том, что хорошо, и о том, что плохо. Так появились эти записки, в которых заменены только имена. Я не ставил себе задачей делать обобщения; мне хотелось показать, как видит больницу человек, как она живет.

Сегодня ночью каждый час в палату входила. Обошла всех, послушала, кто как спит; заметила — лежу с открытыми глазами; — таблетку принесла.

«А как она колет!» Впрочем, некоторые ее недолюбивают.

«Пять раз подряд подолжала: «Почему не приняли порошок?» Потом стала и стояла, пока при ней не проглотил.

«А мне вставать запретили, я не послушал, — отняла таблетку. Когда дежурит Надя, все, что назначено, будет выполнено. Что запрещено, никакими силами, — хоть в любви ей объясняйся, — не добьешься».

Другая сестра — Женя — резче и нетерпеливее. Она иной раз и накричит ни с того, ни с сего, и поздравляется так, что разбудит всю палату. Но вечером вокруг нее в коридоре обязательно соберется несколько человек.

Старшая сестра поджимает губы: «Непорядок это — болтать с больными». Разве? То что сестра Женя веселая и общительная, — это здесь, как воздух...

Сводный температурный лист отделения и карты на каждого больного, заведенные для спирочного бюро больницы, конечно, нужны, и заполнять эти формы нетрудно. Но когда все клетки на листах исписаны, дежурная сестра силенает вместе несколько листов бумаги (где же возьмешь такой, чтобы разместить все фамилии!), наклеивает этот лист на кусок картона, начинает графить эту простыню на пятьдесят фамилий, да на тридцать дней. Чертит, клеит, стирает, снова чертит... Сажусь рядом, смотрю по часам — и час дорого времени ушел! Кто стоит напечатать для всех больниц готовые формы?

Говорят, что, работая в больнице, сестры продолжают учение. Что-то незаметно. Когда врач спрашивает: «Чем болел Зыков?» — сестра отвечает: «Забыла». Для нее Зыков — больной, которому три раза в день нужно принимать лекарство и два раза сделать укол.

Но только ли в сестрах дело? Сестры не сопровождают здесь врачей при обходе, о назначениях узнают только из записей. Вот поэтому, наверно, и получается, что Женя, с отличием кончившая четыре года назад фельдшерскую школу, вздыхает, когда я спрашиваю ее, не собирается ли она идти в медицинский институт. Все, чему учились практически, делает теперь превосходно; все, что учились понимать теоретически, забыла. Правильно ли это?

Сестра не должна лечить, она должна выполнять назначения врача, — это само собою разумеется. Но, вероятно, и тут вполне справедливо мудрое суворовское изречение: каждый солдат должен понимать свой маневр.

НАВЕРНОЕ, только учитель в классе да еще актер на сцене работают под таким огнем постоянных внимательных взглядов, как врач в больнице.

В нашей палате — два врача. Роману Григорьевичу лет сорок. У него за плечами фронтный опыт, немалый стаж. Голос негромкий, но решительный. Манера уверенные, четкие. Заканчивая осмотр больного, говорит: — Курить надо бросить.

— Брошу, — отвечает больной голосом, которым дают обеты, заведомо невыполнимые.

— Бросите, тогда и начнем лечиться. Пока всего доброго... Больной, два дня считавший, что с ним шутят, на третий день выбросил пачку папирос. И тогда Роман Григорьевич пришелся за него: выкачивание желчи, промывания желудка, уколы, снова вливания, жарда; «Ну-с, завтра отдохнете, а послезавтра снова будем вас промывать». И при каждом обходе снова и снова терпеливо и внушительно: «Когда выйдете отсюда, вам можно будет то-то и то-то и нельзя то-то».

«Старый дом» — вещь переводная. Перевод с удмуртского на русский сделал сам автор. Факт этот заслуживает особого внимания. В самом деле, кто же лучше способен сохранить верность оригиналу, передать аромат национальной формы, чем сам автор?

На семинаре «Старый дом» подвергся «перекрестному» обсуждению. Относительно всех элементов повести полного единения, конечно, не было. Но спорить с повестью не хотелось, — чего же с правдой спорить? А вот авто-

Зоя Борисовна — доктор молодой, но интерес к больным у нее очень широкий. Ее интересует

характер, профессия, бытовые условия. И она знает все это как-то мягко, и не замечает, когда это случилось, а через несколько дней, смотря, уже установился душевный контакт. Эти, казалось бы, совсем не профессиональные разговоры для нее столь же важны, как цифры анализов, и натолкнувшись на плохое настроение больного, она тревожится не меньше, чем увидев не такой, как нужно, зубец в электрокардиограмме.

КАЖДЫЙ человек в белом халате, который входит в палату, здоровается по-своему. Молодые врачи официально — повеселее. Заведующий отделением здоровается решительно и громко, как командир части — уверенный, что солдаты не подкачают. И своей уверенностью, а главное, умением обратить внимание больного на все то, что является благоприятным в его состоянии, она, уходя, оставляет всю палату в хорошем расположении духа.

Только один человек, впервые появившись в палате, не поцеловался с нами. Но на него не обиделись.

Это был известный профессор, автор трудов и открытий, и прочая, и прочая, и прочая. За ним в палату гуськом вошли все врачи отделения. Один из них держал в руках мохнатое полотенце, конец которого был намочен в дезинфицирующей жидкости. Другой нес стул и пододвигал его, чтобы профессор мог сесть у койки, ничем себя не утруждая.

«...Сдвинг в формуле...» начал было докладывающий ординатор.

«Что там происходит? — резко перебил профессор.

«Кто-то должен: Парикмахер кончает брить лежачего. Сейчас закончит.

Не поворачивая головы, профессор сказал: «Пусть она уйдет или я уйду». Парикмахеру как ветром сдуло, — сдвинг в формуле... — сказал ординатор.

«Почему во дворе шум? Во дворе, где помещается жилой дом, шумели ничуть не более, чем обычно, и мы обрадовались, что на шум, который нам очень мешал, кто-то, наконец, обратил внимание.

«Пойдите к главному врачу, пусть следит за тишиной во дворе, когда я делаю обход! — распорядился профессор.

Наконец, доклад был закончен. Профессор осмотрел больного и со странной снисходительностью подтвердил назначение ординатора.

«Ну, что ж, можно и так, — сказал он, заставляя думать, что есть и другие, более совершенные пути, но — уж так, мол, и быть! — он мирится с тем, что делает его ученик.

«Возьмите себя в руки». — шепнула одна из врачей ординатору, который должен был теперь показывать своего больного. Этого осмотра с напряжением ждала вся палата. Все знали, как страшна болезнь крови, которой болел шофер Сизин. Два инсульта и три раза в неделю ему переливали кровь. Для его лечения доставили новейший препарат. И все-таки ему становится все хуже.

Почти каждый день к вечеру Сизина, еще недавно сильного и веселого человека, схватывают приступы черной тошны.

Больной Сизин. Сорок два года — начал ординатор. Когда был обнаружен резко повышенный лейкоцитоз, больной поступил в клинику (ординатор назвал известное лечебное учреждение), где его лечили рентгеном.

«Слышите! — перебил профессор. — Оказываются, не только в какой-нибудь дыре, но и в Москве бывает такое! Вас, Савицкая, куда назначили? В Имайловскую больницу? Смотрите, не ослепите меня там, не делайте таких глупостей.

«Скажите, профессор, — обратился к нему Сизин. (У Сизина и всегда-то были бледные губы, а теперь они совсем синиели). — Значит, это там меня поломали? Нельзя было меня рентгеном? — Почему нельзя? Можно!

«Почему нельзя? Можно! — перебил профессор. — Сказали, что вы не можете измерять своим кровяное давление». Аппарат этот — прибор нехитрый, но на его отделение он один.

Вечером в палату вошел встревоженный санитарка: «У вас не освободился воронка для кислородной подушки? А то принесла Зайцеву подушку, а свободной воронки нет».

В коридоре врач огорченно выговаривает сестрам: «Что же это вы, девушки, не досмотрели... Была хорошая игла, берегли ее для внутривенных вливаний, и ты пустила на подложные укольники...»

Вспоминается, как несколько лет назад приехал я на большое строительство корреспондентом, и один из инженеров с горечью рассказывал, что на строительстве есть все — и шагающие экскаваторы, и многоэтажные самосвалы, и новейшие землессосы, а мешает нехватка самых простых приспособлений.

ПОЗАДИ обед, час отдыха, ужин, основные процедуры. До сна осталось два часа. На улице дождь, в сад не выйдешь. Культуривентарь — две партии шашек — в расходе.

В эти последние часы и начинаются бесконечные разговоры о болезнях. После этих разговоров многие не спят, ворочаются, вздыхают...

Вспоминаю госпиталь сорок первого года в маленьком уральском городке, где приходилось бывать в наряде наружной службы, и другие госпитали. И время было трудное, и условия работы в госпитале несравненно более тяжелые, и все-таки там понимали, что человеку для выздоровления нужны не только операции, процедуры и лекарства. И библиотеки были в госпиталях лучше, и клубные уголки были, и многое другое, создававшее чувство, что ты не выключен из жизни.

В СКОРЕ после того, как я выписался из клиники, мне пришлось навестить своего друга в другой московской больнице. Я увидел, что здесь осуществлено многое из того, чего так не хватало там, где делал я. Вероятно, для многих лечебных учреждений эти скромные проблемы — уже пройденный этап, но для многих они, к сожалению, все еще проблемы!

В больничных палатах лежат инженеры, рабочие, учителя — люди, которые, когда они здоровы, привыкли каждый день что-то придумывать, совершенствовать, изобретать в своей работе. Поэтому они так зорко замечают все недостатки и так горючо — не из-за себя одного и своих личных неудобств, а из интереса к общему делу, — говорят об этом. Хотелось бы, чтобы те, кто работает в области здравоохранения, услышали их.

СЛОВО РУКОВОДИТЕЛЕЙ СЕМИНАРА

ру был задан вопрос: почему он так внутренне спокоен при виде столь замедленного ритма жизни в его удмуртском селе? И не стоило ли ему поначалу выводить своих односельчан за пределы своего села, на тот зеленый холм, с которого так далеко видно окрест? Может быть, мир этот все же шире описанного в повести?

Н. ЗАМОШКИН

ПО ОБЩЕМУ мнению, Геннадий Красильников на семинаре поведел. И поведел не случайно. Он как-то незаметно и деликатно взял нас за руку и ввел в «Старый дом» удмуртского крестьянина Макара Кабышева. С этого момента мы стали свидетелями семейно-социальной драмы, развернувшейся уже не только в этом доме, но и за его пределами — на колхозных полях и лугах полной очарования удмуртской земли.

Повесть молодого писателя выросла непосредственно из народной жизни, минуя тепличные стадии роста. Выросла стихийно, значит? О, нет. Позади у Г. Красильникова — долгое чтение литературному мастерству, также же долгие, упорные прощупывания и поиски темы.

Коль у писателя есть личное и живое представление о делах и людях, которые его волнуют, то

ВАДИМУ ИНФАНТЬЕВУ Глядит на критиков открыто — человек вполне мирской, морской. Из пены родился. В. ИВАНОВ, В. ВИНОГРАДОВ.

Ч У Валентин ЛЕДНЕВ Масштабом Волги с детских лет привык я реки измерять, и если меньше — значит, нет, не очень буду уважать. И вдруг — Какая? — Чу. — Река? Да если захочу, возьму. штаны вот засучу и эту Чу перескочу и даже ног не замочу! — Постой, пост, умерь свой пыл. Конечно Чу — невелика, но ты не знаешь, она — особая река. Начав свой бег, разбившись в брызги много раз, она выходит на протор, чтоб здесь, в долине, встретить нас.

З. КЕДРИНА

К СОРОКАЛЕТИЮ Октябрь Театр имени Вахтангова поставил пьесу Ильи Сельвинского «Большой Кирилл» — трагедию из трилогии «Россия», названную в театре «сценами народной драмы».

Разумеется, дело здесь не в названии, — мы знаем, что одна из лучших русских классических опер была сирочно названа своим автором «лирическими сценами». Важно существование сцен, которые являются в данном случае, что за спектакль «Большой Кирилл» в Театре имени Вахтангова? Ведь эта пьеса завершает значительный принципиальный этап творчества И. Сельвинского. Трилогия «Россия», состоящая из трагедий «Ливонская война», «От Полтавы до Гаушта» и «Большой Кирилл», посвящена трем решающим периодам в развитии российской государственности.

Сквозь всю трилогию проходит образ русского человека из трудовой династии Чоховых — патриота и бунтаря, воюющего против угнетения трудового народа и без трепета отдающего свою жизнь за родину — Россию. Через всю трилогию проходит идея «двух правд» — правды народной и правды государственной, которые сливаются воедино только в дни Октября, когда народ становится, наконец, хозяином государства.

Мы много говорили и писали о художественном многообразии искусства социалистического реализма. Постановка «Большого Кирилла» — яркое доказательство этого многообразия. «Большой Кирилл» — спектакль романтико-героический, с элементами массового действия. Мы едва ли уже не забыли об огромной эмоциональной силе массовых действий. А между тем это — одно из первых достижений после революционного искусства. «Массовое действие», театр на площади — не могли и не должны были, разумеется, заменить собой все иные сценические формы, но они не заслуживали того, чтобы их сбить с вооружения нашего искусства. Новизна «Большого Кирилла» еще и в том, что эта пьеса трагедийного жанра, а ведь самая возможность существования трагедии в советской литературе мы долгое время подвергали сомнению.

Наши театры умели и любили ставить пьесы в стихах. Ряд интересных спектаклей этого плана связан с именем поэта-драматурга В. Гусева. Не будет преувеличением сказать, что и в последние годы в значительной мере утратили вкус к стихотворным пьесам, что исключение здесь делалось лишь для Шенгера, Мольера или Лопе де Вега. Советские же авторы как бы избегали разговаривать со зрителем языком поэзии. «Большой Кирилл» более чем наполовину написан стихами и дает хорошую возможность актерам продемонстрировать свое искусство чтения стиха со сцены. А стих, в зависимости от того, как он написан и прочитан, либо во много раз увеличивает выразительность образа, либо связывает и сковывает ее. И надо сказать, что в целом Театр имени Вахтангова, его интуиция, смелый коллектив создали интересный патристико-героический спектакль. И в этом большая заслуга постановщика Рубина Симонова, смело и с настоящим искусством использовавшего многообразие средств реализма.

Великолепно читают стих со сцены М. Астангов — Керенский, Н. Вубюк — лорд Бьюкенен, И. Толчанов — Пульс Н. Гриценко — Мантасов, Д. Шихматов — мистер Фрэнкс. В их устах стих обретает новые, неожиданные средства выразительности, углубляет образы и ситуации. Естественно «разговорно» и гибко звучат стих и в устах Чохова — А. Абрикосова, Ивана Большого — М. Дядико, Зои — Е. Добронравовой.

Духом Октябрьских дней веет от массовых сцен. Особенно приподнятым, экспрессивным вышел эпизод встречи Ленину у Финляндского вокзала. В новой пьесе И. Сельвинского смело сочетаются сатира и героический пафос, романтика и бытовизм. Не все здесь в равной мере удачно. Если великолепные сатирические образы Николая II и его придворных, Керенского и дипломатов Антанта удачно контрастируют с романтико-героическими образами, то соединения героической ситуации с бытовым порою выглядят даже не условным (условность на театре необходима), а попросту разнотипным и неубедительным. Так, в сцене у «Медного всадника» высокие речи отца и дочери Чоховых о судьбах революции, о смысле пушкинского бессмертного творения хорошо контрастируют с репликами мелких тор-

На сцене (справа налево): В. И. Ленин — артист Н. Плотников, Чохов (Большой Кирилл) — артист А. Абрикосов, Ф. З. Добронравов, артист В. Покровский.

гашей и лепетом подвыпившего туляка. Но когда Чохов вполне серьезно начинает совещание с дочкой, где поставит «Аврору» для штурма Зимнего дворца — это попросту неубедительно. Превосходна по своей сатирической остроте сцена спиритического сеанса во дворце Николая II: сильно дано столкновение Николая с Чоховым, когда «самодержец» неуклюже спрашивает: «Вы узнаете меня, господин?»

А Чохов спокойно отвечает: «Как не узнать? Вы же — вылитый рубль!»

Но вот объяснить себе появление Чохова в царском дворце почти невозможно. Когда в одном из черновых вариантов пьесы арестованного Чохова привозят в тюрьму, потому что наружностью он напоминал Ленина и царская чета любопытствовала поглядеть на первого большевика, — это было еще понятно. Но, разумеется, не такие отдельные просчеты определяют общее звучание спектакля, основные образы которого решены монументально, поднимаются до символа. И это прежде всего касается образа Ленина, который написан в приподнятой и вместе с тем реалистически правдивой манере. Артист Н. Плотников играет Ленина с большим тактом и темпераментом, сообщая созданному им образу жизненную полноту и внутреннюю завершенность; Ленин в его исполнении — гений революции, а вместе с тем и простой человек, живой и близкий каждому зрителю.

А. Абрикосов нашел очень верный рисунок образа Большого Кирилла, рабочего-большевика, человека огромного мужества, неспящего уюта, безграничной отваги и убежденности. Чохов — «живой» рабочий-революционер и символ рабочего класса вообще. Таков же и солдат из крестьян Иван Большой, идейный «крестник» и верный соратник Чохова, сыгранный М. Дядико с большим тактом.

Однако, говоря об основных положительных образах спектакля, хочется упомянуть театр в том, что он не всегда решает задачу подчеркнуть стилистический контраст, составляющий главную особенность пьесы. И. Сельвинский вообще любит сопоставлять бытовое с возвышенным, натурально-правдоподобное с парфосно-романтичным. В трагикоме же образа Чохова, например, мы наблюдаем иной раз тенденцию к сглаживанию контраста, к некоторому выравниванию его характерности. В то же время там, где театр смело идет на решающие контрасты, ему сопутствует удача.

Наибольшей удачей достигают вахтанговцы в сатирических образах спектакля: от основных — Николая II (В. Колчин) и Корнилова (В. Етуш) до проходных — разношнурый яблоч (Д. Андреева) или пьяного господина (Б. Шухмин). Но особенно выделяются Керенский (М. Астангов) и Мантасов (Н. Гриценко), игра которых отмечена изумлением и законченностью. Великолепно выявляет реальные взаимоотношения между хозяином-капиталистом и его «интеллектуальным» лакеем «поединком» Мантасова и Керенского по вопросу о нефтяных акциях. Во время этого столкновения Керенский быстро переходит от светской любезности «обожжаемого» вождем к псевдоблагородной амбиции «настоящего деятеля», а затем и полной растерянности «хлопья». Мантасов же от начала до конца терпеливо настойчив, ироничен и спокоен, как человек, заранее уверенный в победе. Таких эпизодов в спектакле немало. Тем досаднее, что театр, работая над трагедией И. Сельвинского, опустил ряд сцен. Из-за этого целостность спектакля, как нам представляется, в известной мере оказалась утраченной. Так, например, опущена сцена в царском поезде на станции Дно, где очень интересно раскрывались образы Николая II и французского дипломата Дюлье.

Наиболее чувствительная потеря спектакля — это заключительная сцена, изображающая последнюю встречу Кирилла Чохова со своим дальним предком — Андреем Чоховым, чье имя выгравировано на кремлевском колоколе. Торжественный апофеоз спектакля — хор с участием всей труппы театра — не заменяет последнего эпизода.

Благодаря проведенным сокращениям пьеса стала менее тяжеловесной, приобрела большую сценичность, но одновременно стала и философски менее значительной и оригинальной. Театр имени Вахтангова сделал большое и важное дело, поставив «Большой Кирилл». И. Сельвинского, но и театр, и автор могут дать больше. А кому много дано, с того много и спросится.

ПЕРВАЯ КНИГА

Читатели уже успели заметить лучшие стихи Николая Палькина, появившиеся в последние годы в центральных газетах и журналах. В этих стихах подкупают лиризм, тонкое чувство природы и хорошее, я бы сказал органическое, знание колхозной деревни, людей сельского труда — прежде всего людей новых, ведущих профессий: трактористов, комбайнеров и т. д. У Палькина совершенно отсутствует портящее многие деревенские стихи стилизаторство. Его всегда сасает от этого обостренное чувство времени, чувство нового.

Очень характерным в этом отношении является его стихотворение «Ровно в полдень...». Рассказывая о том, как в колхоз из МТС пришел первый трактор, автор пишет:

А за ним, по следу, ранний, Первый робкий рудец С голубиным воркованьем Вдоль по улице потек. Он спешил куда-то в стени... И шутил, смеясь, колхоз. Что, мол, трактор на прище За собой весну привез.

Здесь без всякого нажима, без всякой нарочитости даны новые «приметы весны», приметы, которые крепко вошли в быт колхозной деревни. И таких стихов у Николая Палькина не мало.

Вот конюшка стихотворения «Дождь»:

Звучала песня обмолота, А дождь, упрямый в стерне, Остался капелями пота У комбайнера на спине.

Выход первой книжки — всегда большое событие для автора; оно дает возможность подвести первые итоги своей работы, заставить задуматься над недостатками, которые в отдельных стихах были не так заметны.

На некоторые недостатки и просчеты в стихах Палькина мы тоже хотели бы указать. Даже и в лучших его стихах можно заметить еще недостаточно чуткое отношение к слову. Так, например, первое из приведенных мною стихотворений начинается следующей строфой:

Ровно в полдень, ревом зычным Оглашая все окрест, Новый трактор гудящий К нам пришел из МТС.

Не нужно обладать очень тонким литературным вкусом, чтобы понять, как пародийно звучит «зычный рева» по отношению к трактору. В некоторых стихах поэт утрачивает художественный вкус и такт. В стихотворении «Соловей» он, например, пишет:

Поет он, глядя в полутьму, И вдруг, солиста одолевая, Запоемлет ему Зай ветка, иль трава густая.

Мне хотелось бы обратить внимание молодого поэта на необходимость строго относиться к слову, поведать ему покоем отделиться от пристрастия к внешней красноте и ложной многозначности, которые, кстати, у него не являются органическим пороком, а только болезнью роста.

Газета «Комсомолец» проявила хорошую инициативу, издав книгу молодого поэта. Эту инициативу должны подхватить и другие комсомольские областные газеты, особенно там, где нет книжных издательств.

Н. РЫЛЕНКОВ

НОВЫМИ ПУТЯМИ

Каза л о с ь, с писательским талантом Николая Задорнова мы уже достаточно полно знакомы по его книгам «Далекий край» и «Амур-батюшка» — своеобразным, отличающимся богатством материала социально-бытовым хроникам. Но вот перед нами два его последних произведения, связанных между собой общностью темы и общим героем — Г. Н. Невельским. Это уже известный массовому читателю роман «К океану» и новый роман «Капитан Невельской». Здесь мы видим, как писатель, задумавший создать широкую художественную эпопею о русском Дальнем Востоке, решительно раздвигает привычные границы повествования. Задорнов обращается теперь к многоплановому историческому роману. В поле зрения романиста оказывается не только Приамурье с его неповторимым бытом, великолепно изученным

ДВЕСТИ СЕДЬМОЙ...

В КЛАССИЧЕСКОЕ отделение филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова поступило недавно заявление, встреченное с грустью всеми преподавателями и студентами. Старейший профессор Сергей Иванович Соболевский просил освободить его от педагогической деятельности. «Я ждал бы и прощанья», — писал 83-летний профессор, — «сохранить с нафедрой духовную связь. Внешними средствами едва ли ее возможно выразить, пусть она останется в потенции. Во всяком случае и прошу оставить за мной право пользоваться университетской библиотекой, читателем которой я состою вот уже семьдесят пять лет».

Пять лет студентом и семьдесят лет преподавателем С. И. Соболевский неизменно из года в год входил в здание Московского университета. Помнится мне, что на первой своей лекции, — а пригласили меня обучать студентов пародам с русского на греческий, — я предложил мелодию людям для мачаля «История Пугачевского бунта».

О долгих годах, отданных классической филологии, безмолвно рассказывают сейчас немые полки профессора, его университетской библиотеки, насчитывающей около двадцати тысяч томов, вы найдете и двести пятьдесят печатных трудов, написанных им, пусть они останутся в потенции. Среди них труды Сергея Ивановича относятся две его диссертации на латинском языке, изданные еще в прошлом веке, — магистерская и докторская.

Мы застаем члена-корреспондента Академии наук СССР С. И. Соболевского за работой над новой книгой — большим научным изданием исторического романа «Путесь» («Богатство») с подробным комментарием и обширным введением.

Можно легко понять, чем привлекла Задорнова фигура Генаида Ивановича Невельского, чьи замечательные по смелости и общирности открытия и исследования навсегда вошли в летопись освоения Дальнего Востока. История жизни и научной деятельности выдающегося русского мореплавателя — это история подвига, высокий образец гражданского мужества. Образ книги о Невельском являлся необходимым звеном «амурской» эпопеи, над которой вот уже много лет работает Задорнов.

Большой интерес представляет последний труд Задорнова — роман «Капитан Невельской», который, не уступая во многих отношениях лучшим произведениям писателя, является качественно новым достижением в его творчестве. Теперь можно смело сказать, что Задорнов не только отличный бытописатель и знаток родного края, — он успешно овладевает и искусством историко-показательного мышления, умеет глубоко показать общественные и психологические истоки действий исторических лиц, умеет хорошо строить социально-исторический роман.

Если в романе «К океану» наблюдались и беглость, и некоторая скромность письма, то повествование в «Капитане Невельском» отличается неторопливостью и обстоятельностью (почти нигде не переходящими в растянутость). И думается, если в дальнейшем роман («В Дальнем Востоке») напечатан пока три его части) сохранит свой художественный уровень при том же темпе повествования, — эта работа и по объему, и по широте охвата исторического материала, несомненно, займет центральное место среди произведений Н. Задорнова о Дальнем Востоке.

Моральная сторона подвига замечательного мореплавателя увлекает теперь писателя в такую же, если не в большей степени, как и величие, значимость совершенных им открытий. Автора трагическая судьба исследователя, который доблестно осуществил долгожданную мечту ценою тяжких утрат. Поэтому для писателя так важны и полны интереса все перипетии столкновения Невельского с миром чиновничьего бюрократизма, алчности дельцов, с косностью и неадекватностью.

При этом, как ни сильна была борьба личных честолюбивых интересов вокруг открытия Невельского, Задорнов дает понять, что разнообразные побуждения непохожих друг на друга людей всегда складываются в определенную социальную силу, торжествующую инициативу и прогрессивные начинания исследователя.

Эпизоды, посвященные «делу петрашевцев», обнаруживают умение писателя вскрыть сложность и глубину социально-политических противоречий в современной Невельскому России. Волна реакции и полицейского террора опустошает даже такие области общественной и умственной жизни, которые, на первый взгляд, не имеют прямого отношения к сфере классового или идеологической борьбы.

Писатель не идеализирует политические взгляды Невельского. Он отнюдь не идеализирует отношения на петрашевском положении. Невельский дорожит своим положением, он достаточно почитателен и дипломатичен с начальственными и сановными лицами, он сын своего времени и своей среды. Но во всех сколько-нибудь значительных решениях и поступках, будучи до самоотверженности честным человеком, он просто не в состоянии руководствоваться иными соображениями, кроме высокого патриотизма. Писатель с исключительным вниманием относится к каждому душевному движению героя, рисует нравственный облик человека безукоризненной честности.

Стиль Задорнова отличается эпископальной обстоятельностью и умением проникнуть в дух времени, не прибегая к помощи изощренных литературных приемов. Размышления и речи персонажей кажутся естественными, отвечающими духу и характеру описываемой эпохи.

Достоинства романа — это плод смелости и настойчивости, с которыми писатель овладевает новыми для него путями художественного воспроизведения исторического материала.

И. РОДНЯНСКАЯ

ЭТО — двести седьмой труд профессора. Предыдущий — «Аристократ и его время» в тридцать пять печатных листов подписан всего несколько дней назад к печати и должен выйти в свет в ближайшем году.

— Это книги мои учеников, — показывает нам свою библиотеку С. И. Соболевский, — среди них и действительно члены Академии наук СССР. А на этих полках только книги учеников моих учеников — академиков еще, правда, нет, но профессора уже имеются. А те, что чуть выше, в старинных переплетах, были подарены мне авторами — мои ученики...

— У вас, должно быть, немало редчайших изданий? — спросили мы профессора. — Да, — согласился Сергей Иванович, — найдется и такое, чего нет, пожалуй, в университетской библиотеке, да и не только в университетской.

Все в этих комнатах говорит об огромном труде человека — об этом рассказывают не только книги, написанные профессором и бесчисленными его учениками, но даже минимые полки, сделанные его руками в часы короткого досуга.

— Всегда на очереди — следующая книга, и всегда забываешь подумать: а будет ли тебе отпущено на это время?

Он улыбается и добавляет: Продолжительная пауза ослабляет меня, и я за последние строки книги об Аристократе без паузы поставил заглавие новой работы.

Послеавтора, как и каждый четверг, С. И. Соболевский откладывает на день работу над очередной книгой. В четверг под председательством заведующего сектором античной литературы Института мировой литературы имени

Г. В. Плеханова пауза ослабляет меня, и я за последние строки книги об Аристократе без паузы поставил заглавие новой работы.

Начну со стихов поэта не старшего, а младшего поколения — Юрия Кюнезгеца. Волам не пахать от утра до утра: Устанут и встанут, дыша тяжело. Гортанную песню поют

Их слушает степь и степное село. Родного приволья широкий разлив. Колхозного поля весенний мотив.

Как будто кумисы по канавам течет: И красное солнце сильнее печет. И медленней белая птица летит. Перевод С. ГУДЕНКО

Невиданные перемены в жизни аратов-кочевников, пришедших в Советскую Туву, нашли в этом стихотворении простое, но яркое отражение.

Переводчик Семен Гуденко — один из первых русских поэтов, побывавших в Туве. Он многое сделал для того, чтобы познакомить широкого советского читателя с поэзией маленького народа.

Над книгой «Поэты Тувы» трудился большой коллектив переводчиков. В. Казин, Ф. Фолинов, М. Скуратов, М. Шехтер и многие другие дали нам возможность узнать оригинального и самобытного поэта Степана Саргы-оола, стихи Леонида Чадамба, Сергея Пурью, всех лучших тувинских поэтов. Крепким и благородным рукопожатием отвечают тувинцы своим братьям.

Рисунки стихов тувинских поэтов национально своеобразны: Толтапы, наседая, льдины, Как стадо всплунутых овец, — пишет Леонид Чадамба (перевод М. Скуратова).

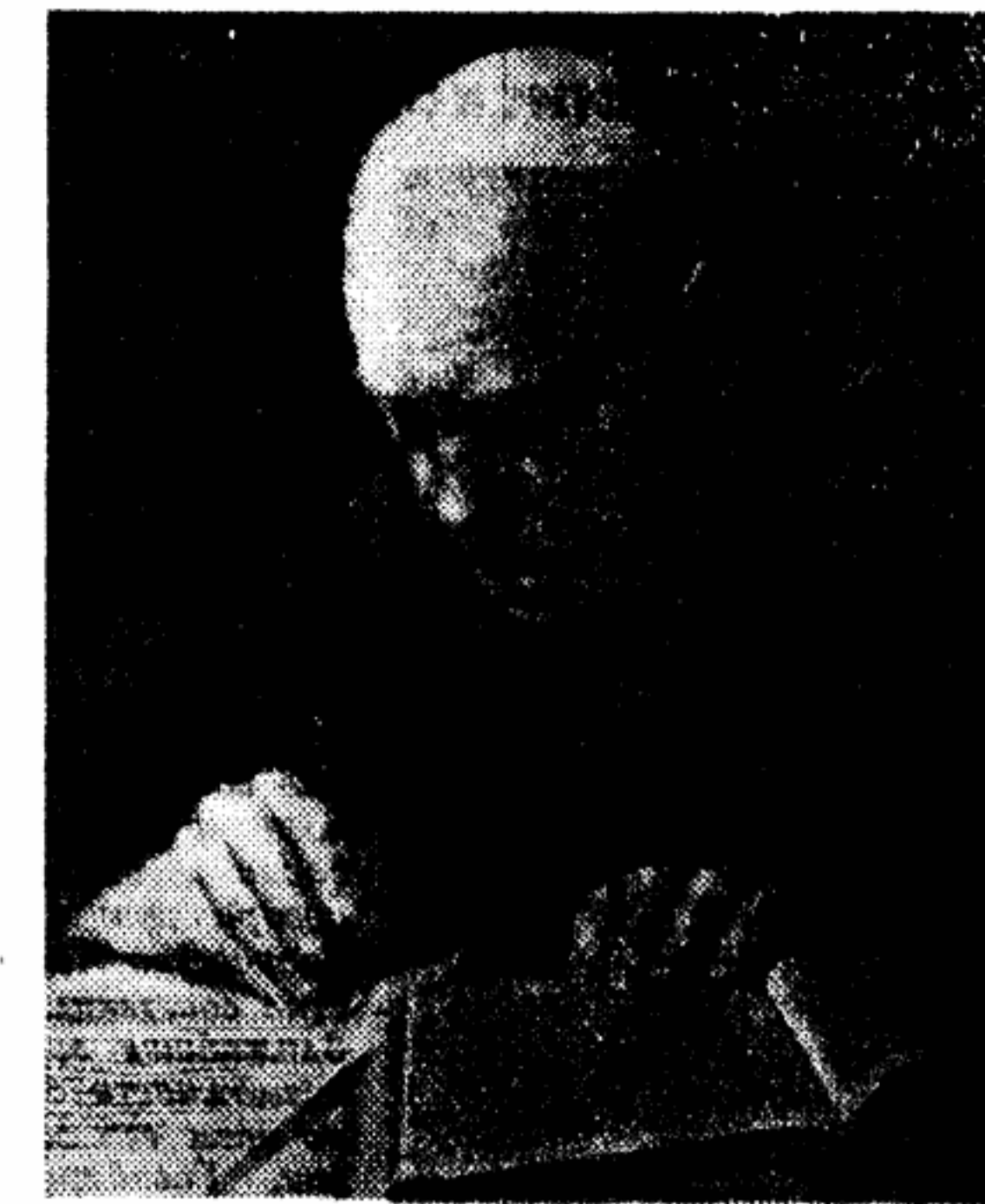
Необычайно колоритны строки, в которых Юрий Кюнезгец поет природу своего края: Мы гостим в лесу огромном... Небо легкое — нам крышей. Стены — кедровые вековы. А постелью теплый мох.

Перевод Т. СТРЕШНЕВОЙ И таких строк много, они крепко остаются в памяти, вызывая теплое, благодарное чувство и тем, кто написал их.

Еще совсем недавно кругозор тувинца ограничивался лишь тайгой да степью. А теперь молодой поэт Монгуш Кенин-Лопсан пробирает свой взгляд не только за пределы Тувинской области, но и за пределы Земли:

И — новая мечта в душе теснится: Пусть расстояния холодом полны, — Взлететь на Марс и там взрастить пшеницу, Дар марсианом к моей стране. Перевод Е. СТАРИННОЙ

Пусть читатель вспомнит — ведь это пишет бывший арат-кочевник, отец которого не знал даже граммы! Большой и полнокровный жизнью живет Советская Тува. Быстро растет ее молодая литература. Сергей НАРОВЧАТОВ

С. И. Соболевский. Фото А. Ляпина

А. М. Горького Академии наук СССР профессора С. И. Соболевского состоится очередное заседание ученых филологов-классиков. А. ЛАЗВИННОВ

Литературное обозрение

ПОЭТЫ ТУВЫ

Книжечное издательство в Кызыле — это столичные Тувинской автономной области — выпустило на русском языке сборник стихов тувинских поэтов. Хорошее ощущение оставляет эта книга, и хочется хотя бы в короткой статье рассказать о ней читателю, любящему поэзию.

Начну со стихов поэта не старшего, а младшего поколения — Юрия Кюнезгеца. Волам не пахать от утра до утра: Устанут и встанут, дыша тяжело. Гортанную песню поют

Их слушает степь и степное село. Родного приволья широкий разлив. Колхозного поля весенний мотив.

Как будто кумисы по канавам течет: И красное солнце сильнее печет. И медленней белая птица летит. Перевод С. ГУДЕНКО

Невиданные перемены в жизни аратов-кочевников, пришедших в Советскую Туву, нашли в этом стихотворении простое, но яркое отражение.

Переводчик Семен Гуденко — один из первых русских поэтов, побывавших в Туве. Он многое сделал для того, чтобы познакомить широкого советского читателя с поэзией маленького народа.

Над книгой «Поэты Тувы» трудился большой коллектив переводчиков. В. Казин, Ф. Фолинов, М. Скуратов, М. Шехтер и многие другие дали нам возможность узнать оригинального и самобытного поэта Степана Саргы-оола, стихи Леонида Чадамба, Сергея Пурью, всех лучших тувинских поэтов. Крепким и благородным рукопожатием отвечают тувинцы своим братьям.

Рисунки стихов тувинских поэтов национально своеобразны: Толтапы, наседая, льдины, Как стадо всплунутых овец, — пишет Леонид Чадамба (перевод М. Скуратова).

Необычайно колоритны строки, в которых Юрий Кюнезгец поет природу своего края: Мы гостим в лесу огромном... Небо легкое — нам крышей. Стены — кедровые вековы. А постелью теплый мох.

Перевод Т. СТРЕШНЕВОЙ И таких строк много, они крепко остаются в памяти, вызывая теплое, благодарное чувство и тем, кто написал их.

Еще совсем недавно кругозор тувинца ограничивался лишь тайгой да степью. А теперь молодой поэт Монгуш Кенин-Лопсан пробирает свой взгляд не только за пределы Тувинской области, но и за пределы Земли:

И — новая мечта в душе теснится: Пусть расстояния холодом полны, — Взлететь на Марс и там взрастить пшеницу, Дар марсианом к моей стране. Перевод Е. СТАРИННОЙ

Пусть читатель вспомнит — ведь это пишет бывший арат-кочевник, отец которого не знал даже граммы! Большой и полнокровный жизнью живет Советская Тува. Быстро растет ее молодая литература. Сергей НАРОВЧАТОВ

НЕПРИМИРИМОСТЬ К МЕЩАНСТВУ

«Внуки старой Тамашы» — так назвал свою небольшую повесть азербайджанский писатель А. Абульгасан. Повесть, Журнал «Литературный Азербайджан» № 5

«Внуки старой Тамашы» — так назвал свою небольшую повесть азербайджанский писатель А. Абульгасан. Повесть, Журнал «Литературный Азербайджан» № 5

«Внуки старой Тамашы» — так назвал свою небольшую повесть азербайджанский писатель А. Абульгасан. Повесть, Журнал «Литературный Азербайджан» № 5

«Внуки старой Тамашы» — так назвал свою небольшую повесть азербайджанский писатель А. Абульгасан. Повесть, Журнал «Литературный Азербайджан» № 5

«Внуки старой Тамашы» — так назвал свою небольшую повесть азербайджанский писатель А. Абульгасан. Повесть, Журнал «Литературный Азербайджан» № 5

«Внуки старой Тамашы» — так назвал свою небольшую повесть азербайджанский писатель А. Абульгасан. Повесть, Журнал «Литературный Азербайджан» № 5

«Внуки старой Тамашы» — так назвал свою небольшую повесть азербайджанский писатель А. Абульгасан. Повесть, Журнал «Литературный Азербайджан» № 5

«Внуки старой Тамашы» — так назвал свою небольшую повесть азербайджанский писатель А. Абульгасан. Повесть, Журнал «Литературный Азербайджан» № 5

«Внуки старой Тамашы» — так назвал свою небольшую повесть азербайджанский писатель А. Абульгасан. Повесть, Журнал «Литературный Азербайджан» № 5

«Внуки старой Тамашы» — так назвал свою небольшую повесть азербайджанский писатель А. Абульгасан. Повесть, Журнал «Литературный Азербайджан» № 5

«Внуки старой Тамашы» — так назвал свою небольшую повесть азербайджанский писатель А. Абульгасан. Повесть, Журнал «Литературный Азербайджан» № 5

«Внуки старой Тамашы» — так назвал свою небольшую повесть азербайджанский писатель А. Абульгасан. Повесть, Журнал «Литературный Азербайджан» № 5

«Внуки старой Тамашы» — так назвал свою небольшую повесть азербайджанский писатель А. Абульгасан. Повесть, Журнал «Литературный Азербайджан» № 5

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ТАТАРСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С ЕГОДИН, 26 ноября, в Казани открывается республиканское совещание по вопросам современной татарской детской литературы, созываемое Оргкомитетом Союза писателей Российской Федерации и правлением Союза писателей Татарии. Вудут заслушаны доклад Ф. Фавеева «О состоянии, задачах и проблемах современной татарской детской литературы», а также докладов о прозе, поэзии, драматургии для детей и критике детской литературы. Затем начнут работу творческие семинары. Они рассмотрят поэтические произведения Сибгата Хакима, Хай Бакирова, Якупова Тардиджанова, Алимата Факия, Амина Бичинтаева, повесть А. Расиха «Зерна счастья», рассказы Мирсаля Амира, Л. Искановой, Г. Луффи, Г. Талиева и других.

В работе совещания принимают участие члены Союза писателей Татарии, писатели РСФСР и Татарии: С. Барудинов, И. Токаев, В. Любимов, Ю. Соткин, Н. Богданова, Ю. Юсупов, Х. Хусниев, а также руководящие работники Министерства культуры РСФСР, Дегиза, Дома детской книги и представители педагогической общественности республики.

